

5 (28) Mai
2005

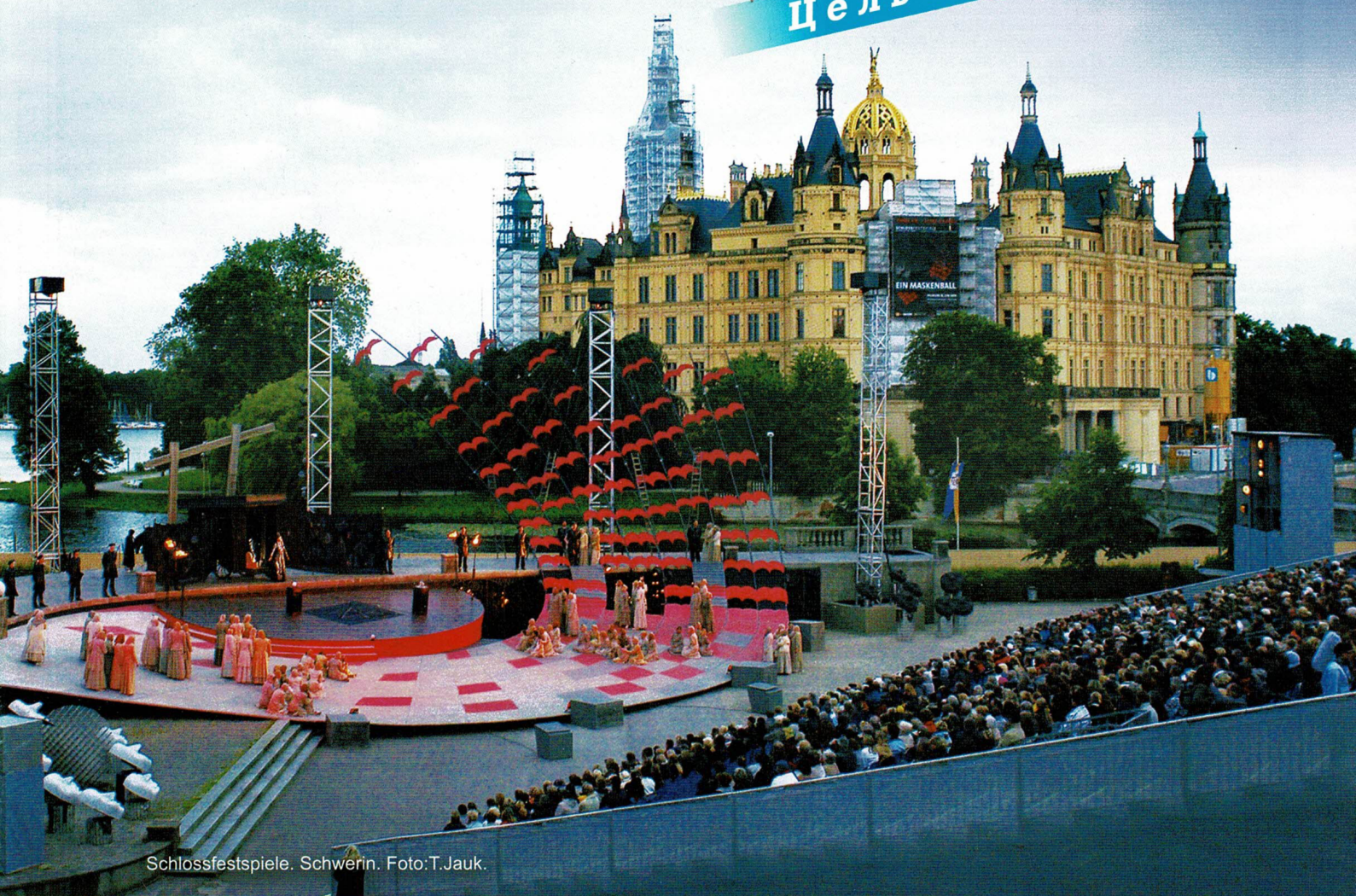
ISSN 1612-9911

Monatliche russisch-deutsche Informationszeitschrift für die Bundesländer:
Niedersachsen, Hamburg, Bremen,
Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern

€1,20

ПАРТНЕР NORD

Цель – интеграция!

Schlossfestspiele. Schwerin. Foto: T. Jauk.

Grüßwort von
Ministerpräsident
Dr. Harald Ringstorff
Стр. 10

Новости из лагеря
для переселенцев
Фридланд
Стр. 19

Россия
на промышленной
ярмарке в Ганновере
Стр. 34

Яков ЛАНДА

Рубрику ведёт
Виталий Шнайдер

Литературный
оазис

Яков Ланда родился в 1948 г. в Одессе. По образованию физик. Работал преподавателем, инженером на Украине, заведующим сектором ВНИИ в Ленинграде. С 1991 г. жил в Германии, работал инженером в машиностроительной фирме. Автор репортажей и эссе для "Радио свобода" (с 1992 г. по 1994 г.). Публиковался в "Русской мысли" (Париж), "Гранях" (Франкфурт), "22" (Иерусалим), "XXI век" (Гельзенкирхен) и др. изданиях. Скончался 18 апреля 2005 г. в Ганновере.

В последние годы мы не виделись – беседовали по телефону. Особенно много – в последние месяцы. Он, как принято говорить, все знал и не цеплялся за жизнь. И потому, что считал это недостойным, и потому, что был напоен жизнью – как мало кто. Зная, что смерть неизбежна, он, как и все, верил в собственное бессмертие. Но в его случае эта вера, отвергающая знание, вовсе не казалась наивной. Чуть только в ходе беседы выяснялось, что наши взгляды на какой-то предмет расходятся, он принимался спорить с таким азартом, что нельзя было поверить в возможность его ухода.

Что прибавить? Что он стоял на пороге большого литературного успеха. Ясным это стало ровно год назад, после того как петербургская «Звезда» опубликовала его ослепительную повесть «Последний звонок». Автора поминают цитатой – приведу финал этой публикации: «И счастье было неизменно, а жизни, да что там жизни – дню, мгновению этому, теплomu дождю и бурлящему потоку прекрасной извилистой улочки – не было конца».

Михаил Безродный

ЯКОВ ЛАНДА

Из неопубликованного

... Еще в начале минувшего столетия классик высказался в том смысле, что даже такой простой акт, как «увидеть знакомого», есть в известном смысле акт интеллектуальный.

Чем же является воспоминание?

Будущее неопределенно, настоящее изменчиво и быстротечно. Но и последняя, кажется, опора, прошлое, колеблется и расслаивается, вызывается случайным запахом, приносится ветром и ветром же легко и надолго уносится.

Здесь нет надежды на появление ожидаемого подлинника, после чего навсегда рассеются фантомы кратковременных его предшественников. Воспоминание всегда является нам лишь в таких зыбких обликах его фантомов-заменителей, дробится во множестве сменяющихся и друг на друга похожих картин. Какая из них истинна, какие подсказаны воображением? Если уж оно ухитрилось выдать устало хромающего на другом конце проспекта старика за стремительно идущую навстречу нам девушку, на что же оно способно, если речь о расстояниях в десятки лет? Чем тогда воспоминание отличается от собственно воображения? Воображаемое прошлое?

Отправляясь в центр города, на главную его улицу, неизменно говорили «в город»: «в город, в аптеку» или «за хлебом в город», словно средоточие урбанизма находилось так далеко, что надо было вставать за светом и, покинув предместье, долго брести по какой-нибудь Аппиевой

дороге. В действительности же до центра города было минут десять ходу, если пересечь один за другим два соседних проходных двора, выйти к поликлинике и свернуть налево.

Но и это недолгое путешествие обычно скрашивали мелкие подробности и инциденты. Достопримечательностью первого из соседних дворов был пожилой пес Юрка, похожий на старика в грязно-белом пушистом тулупе, вечно спавший у своей будки в стороне от протоптанной дорожки, положив голову на передние лапы.

Идущий через двор джентльмен, одетый в холщовые китайские брюки, клетчатую безрукавку навывпуск и стоптанные сандалии на босу ногу, сильно загорелый и коротко остриженный на лето, ветерану был, казалось, совершенно безразличен, так и надо бы идти себе дальше, не тревожа его сон. Но недремлющий бес всякий раз заставлял выделять традиционную уже штуку. Хорошо знавший, что Юрка вовсе не спит, а изпод мохнатых бровей зорко наблюдает за всем происходящим вокруг, шкродник вначале показывал ему свои стиснутые зубы. Тут бы и Юрке продолжить отдых, не обращая внимания на провокацию. Но какой-то, теперь уже собачий, бес заставлял почтенного пса немедленно реагировать совершенно симметрично, таким же молчаливым оскалом зубов. Затем, поравнявшись с будкой, джентльмен украдкой показывал псу сложный из загорелых исцарапанных пальцев кукиш. Этот демарш немедленно приводил Юрку в неопишемую ярость, и он принимался облаивать обидчика, звеня цепью и опрокидывая мис-

ки, а удовлетворенный шкет с невинным видом удалялся, провожаемый возмущенным лаем и долгим подозрительным взглядом потревоженной обитательницы двора, выглянувшей из-за двери, занавешенной марлевым пологом с вшитыми внизу грузами. На обратном пути все, разумеется, повторялось снова.

В следующий двор путник попадал, минуя пустырь между задней стеной банка и новостройкой, точнее, долгостроем, тянувшимся уже столько, что он представлялся, скорее, руинами. Заросшие котлованы и недостроенные фундаменты вряд ли привлекли бы нового Пиранези, и лишь ограда, отделявшая руину по другую сторону стройки от главной улицы города, активно использовалась властями для целей наглядной агитации и всегда цестрела плакатами и кумачовыми лозунгами.

Сейчас на пустыре шел футбольный матч, и играли старшеклассники. Оставалось лишь надеяться, что под ноги случайно подкатится улетевший в аут мяч. Вот тогда элегантно подбить его пяткой и точно рассчитанным ударом вернуть в поле, а затем, как ни в чем не бывало, следовать дальше.

Во втором проходном дворе обитали несколько девчонок, не обращавших на путника ни малейшего внимания. Тем не менее простреливаемую их взглядами директрису он проходил упругой и независимой походкой бретера, чему чрезвычайно мешал лишь белый алюминиевый бидончик в тех случаях, когда его посылали в город за молоком. Этот безобидный атрибут домашнего быта начисто лишал его мужественности,

он ненавидел это поручение и проклятый бидончик, и тогда он преодолевал тот двор крадучись, краснее и поминутно оглядываясь.

Центр города начинался вокзалом и заканчивался граничащим с берегом реки стадионом. В те годы здесь устраивались «праздники искусств», зрелища для исследователей народной мифологии дотелевизионной эпохи весьма поучительные. Заполненный амфитеатр и задушевные песни из громкоговорителей, разноцветные воздушные шары, мороженое и крем-сода в киосках, парад физкультурников на футбольном поле и флаги братских республик в руках мотоциклистов. И краткий курс отечественной истории, начиная – как от сотворения мира – с великой революции. Тачанки с пулеметами, буденовки, папахи и долгий круг почета: всадники мимо трибун на страшно храпящих и косящих глазами лошадях. Начиналась мирная жизнь. Пейзаж в национальных костюмах, кубанские казаки. Танцующие дети, цветы жизни. Но мирное небо оглашалось мучающим душу воем сирены, и дети испуганно сбивались в кучу. Сердце сжималось в приступе праведного гнева: вставай, страна огромная! На поле выбегала рота солдат в касках и плащах, с автоматами. Периодически залегая, они вели огонь, постепенно приближаясь к дзоту, откуда злобно огрызались пулемет. Наконец, один из наступающих закрывал амбразуру собственным телом, после чего победители совершали под знаменем свой обход трибун. Досадно прерванная войной мирная жизнь вновь вступала в свои права. Особое оживление вызывало покорение целины: парни и девушки в стеганых фуфайках и сапогах, распеваящие под аккордеон знакомые песни из фильма о бывшем солдате Иване Бровкине. Неожиданно от трибун отделялась тройка извивавшихся в чуждом танце стилияг: узкие брюки, толстые подошвы, прическа «кок» – развязные типы. Но дружный свист возмущенных целинников заглушал их буги-вуги, и отцепенцы бежали, комически спотыкаясь, под радостное улюлюканье с ближайшей трибуны.

Интересно, что тут было полное тождество персонажей и исполнителей: на эту роль всегда приглашали совершенно настоящих городских стилияг, и они с удовольствием соглашались, а после праздника стояли у фонтана в центре города, окруженные восхищенными зрителями, только что освистывавшими их с трибун, а теперь подхваченными, чтобы уважительно пощупать материю импортного пиджака.

Можно было не сомневаться, что, при всем безобидном диссидентстве стилияг, «генеральная линия» ими

под сомнение не ставилась. Ведь и злостные местные хулиганы, сидя в кинозале, искренне отождествляли себя с симпатичными следователями на экране, а не с персонажами, им самим социально куда более близкими.

Возвратившись в свой двор и направляясь домой, джентльмен обходил громоздкое сооружение, состоящее из нескольких огороженных забором кабинок, двери которых были закрыты на замки, так что ключи от каждого из них имелись у двух-трех семей из расположенных полукругом квартир. Сооружение курировалось пенсионером, бывшим бухгалтером, дворовым общественником и активистом, снабдившим каждую кабинку тщательно изготовленным расписанием уборки. Вчера разразился скандал. Войдя в кабинку, общественник тотчас выскочил из нее и побежал жаловаться родителям джентльмена: только этот не по годам ядовитый мальчик мог дополнить заветное расписание короткой надписью внизу – «Администрация». И мать юного насмешника, давась от смеха, пообещала принять меры.

Сейчас двор плавился от жары, и скрыться от нее можно было только в тени доминировавшего над всеми сооружениями огромного раскидистого клена. Сидя на одной из его могучих ветвей, хорошо было готовиться к экзамену; расположившийся в ветках дерева как бы отделял себя от суеты внизу и без помех мог уделить внимание учебнику, а когда надоест, и тщательно припрятанному роману Дюма.

Занимался джентльмен, впрочем, с охотой, поскольку речь шла о геометрии, поразившей его неожиданной красотой умозаключений и вообще возможностью дедуктивных выводов из минимальных допущений, что говорило: мир, хотя бы в принципе, но познаваем.

А еще тот писатель замечательно подметил, как вертятся вначале вокруг просыпающегося стены, мебель, вся комната, примериваясь, чтобы возникнуть из темноты соответственно положению его тела, парящего в пространстве. Откроет глаза – все на месте: дверь слева, часы справа.

Закрой глаза. Усни. Спи. И стены, помедлив немного, – не открыли ты глаза, не подглядывают ли? – вновь бесшумно тронутся, завертятся потолок, и снова унесут туда, откуда ты выпал... Эх, зачем, по какой слепой надобности, всего на миг, а целый мир, пусть какой-то неполный и с размытыми краями, уже навсегда исчез, утром не вспомнить.

Но ведь бывает, что возвращаешься! На то самое место – нет, не на то, и выпал не зря: спасался бегством не то от погони, не то от бе-

жавшей за тобой огромной волны, но вот – спасая, идешь дальше, и вот уже вокруг тебя все иное, все чаще – люди, только что же это?.. Ты же совсем не одет, из постели... как же не заметил этого?.. но люди на тебя особого внимания не обращают, ну и ладно, бочком, прячась и прикрываясь, тем более, лето же и берег, все не одеты, только трава колется. Как хорошо, разбежавшись по ней, раскинуть руки и легко взлететь – над впадиной берега, где сейчас деревья, но бывала и эта река, и дальше – над водой, за загиб реки, где берег уже повыше, и редкие скалы странно освещены закатившейся куда-то луной, еще дальше, влево и над крышами прибрежных домов, над тусклой полосой железной дороги, вон туда... Ты здесь все знаешь, ходил и пешком.

Какая все-таки пошлость: эти цветы, яркие до черноты пионы, он сорвал с клумбы в самом центре города, где – ну да – памятник и все прочее, и свет тут горит ночью. Разумеется, засвистел постовой и побежал, но не догнал, вернулся на безопасное свое местечко под сенью всех государственных символов, а двое его коллег, неторопливо обходившие вокзал и ночной перрон, вдумчиво рассматривая угрюмых во сне пассажиров и осторожно приподнимаемая носками сапог забубенные головы беспробудных бродяг, спавших на корточках, привалившись спиной к стене, свисток услышали, но, переглянувшись, промолчали.

Ладно, неважно, где сорвал. А последние шаги – уже в их саду, небольшом, но удивительно пахнущем ночью – совсем не так, как днем, – душа из тела рвалась слиться с этими запахами. Вот это окно. Маленькое, а форточка совсем крошечная. В нее и руку с цветами просунуть просто, а там еще занавеска до пола, и ее надо этой же рукой отвести и немеющей уже кистью бросить во тьму, туда, где кровать, и в ответ услышать глубокий тихий вздох, похожий на вздох ночной птицы – там, на реке.

Постой, что же все-таки в том сне? Что там было и куда все делось?

Что там, собственно, происходило?.. Трава колется... да, но как легко дышится запахом реки... сколько же прошло лет?